

- [Маркес Габриэль Гарсия](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Маркес Габриэль Гарсия

Монолог Исабели, которая смотрит на дождь в Макондо

Габриэль Гарсия Маркес

Монолог Исабели, которая смотрит на дождь в Макондо

Непогода пришла в воскресенье после мессы. Ночь была очень душная, и еще утром никто не думал, что сегодня может пойти дождь. Не успели мы, женщины, выйти из церкви и раскрыть зонты, как подул тугий темный ветер, который одним мощным порывом смел и закружил пыль и сухую майскую кору. Кто-то рядом со мной сказал:

- Будет дождь.

А я уже это знала. Почувствовала, когда мы вышли на паперть и меня вдруг пронизала дрожь от ощущения какой-то вязкости внутри. Мужчины заспешили к ближайшим домам, одной рукой придерживая сомбреро, другой - прикрывая лицо платком от поднятого ветром облака пыли. А потом хлынул дождь, и небо, серое и студенистое, заколыхалось совсем близко, над самыми нашими головами.

Остаток утра мы с мачехой провели, сидя в галерее, довольные, что дождь оживит розмарин и туберозы, изнывающие от жажды в своих ящиках после семи месяцев летнего зноя с его раскаленной пылью. В полдень земля перестала блестеть, и свежий, бодрящий запах дождя и розмарина смешался с запахом взрыхленной почвы, вновь пробуждающихся растений. Во время обеда отец сказал:

- В мае дождь - значит, засухи не будет.

Мачеха, улыбающаяся, словно пронизанная светящейся нитью нового времени года, сказала мне:

- То же самое и в проповеди говорилось.

И мой отец улыбнулся, и пообедал с аппетитом, и даже посидел потом в галерее - было видно, что ему хорошо. Он сидел молча, с закрытыми глазами, но не спал, а как будто грезил наяву.

Дождь лил весь день, не усиливаясь, но и не затихая. Звук воды, падающей на землю, был монотонным и спокойным, казалось, что мы весь день едем на поезде. Но мы даже не заметили, как глубоко дождь проникает в наши чувства. На рассвете в понедельник, когда мы затворили дверь, чтобы укрыться от резкого, стылого холодка, которым тянуло из патио,

наши души уже наполнились дождем доверху. А позже, утром - потекло через край. Мы с мачехой снова смотрели на наш сад. Бурая и твердая майская земля превратилась за ночь в темное вязкое месиво, похожее на дешевое мыло. Между цветочными ящиками бежали быстрые ручейки.

- Теперь уж они напилась досыта, - сказала мачеха.

И я увидела, что она больше не улыбается и ее вчерашнее оживление сменилось серьезностью и усталостью.

- Наверно, - сказала я, - надо, чтобы работники на время дождя перенесли их в коридор.

Так и сделали, а дождь все рос и рос огромным деревом над другими деревьями. Отец сел на то же место, где сидел в воскресенье после обеда, но ни словом не упомянул о дожде, а сказал только:

- Плохо спал эту ночь, проснулся ни свет ни заря от боли в пояснице.

И остался сидеть там, у самой решетки, положив вытянутые ноги на стул, повернувшись лицом к пустому саду. Только днем, отказавшись от обеда, отец подал голос:

- Похоже, что этот дождь никогда не кончится.

И я вспомнила месяцы жары. Вспомнила август, нескончаемое оцепенение сиест, когда мы умирали под бременем томительных часов в одежде, облепившей потное тело, а снаружи доносилось глухое и назойливое гуденье этих часов, которым не было конца. Я смотрела на мокрые стены - щели между досками стали шире. Смотрела на наш маленький сад, впервые пустой, и на куст жасмина у стены сада - память о моей матери. Смотрела на отца, который сидел в качалке, подложив под больную спину подушку, и его печальные глаза, заблудившиеся в лабиринте дождя. Я вспомнила августовские ночи, в чьем наполненном чудесами молчании не слышишь ничего кроме скрипа планеты, тысячелетиями вращающейся вокруг своей заржавелой, несмазанной оси. И вдруг меня охватила невыносимая печаль.

Дождь лил весь понедельник. Такой же, как накануне. Но потом стало казаться, будто он какой-то другой, потому что в моем сердце происходило теперь что-то иное и очень горькое. Я сидела вечером в галерее, и голос рядом сказал:

- Какой тоскливый этот дождь.

Даже не повернув головы, я поняла, что это сказал Мартин. Я знала, что он говорит это, сидя около меня, говорит все тем же холодным, безучастным голосом, который ничуть не изменился после того хмурого декабрьского утра, когда он стал моим мужем. С тех пор прошло пять месяцев, теперь я ждала ребенка, и Мартин тут, рядом, говорил про

тоскливый дождь.

- А по-моему, не дождь тоскливый, - возразила я. - Тоску наводят пустой сад и эти бедные деревья, которые не могут уйти.

Сказав это, я повернула голову, чтобы посмотреть на Мартина, но его уже не было, и только чуть слышный голос прошелестел:

- Похоже, что дождь решил никогда не кончаться.

И когда я посмотрела, откуда слышится этот голос, я увидела рядом только пустой стул.

На рассвете во вторник мы увидели в саду корову. Она стояла понутив голову, увязнув в грязи, и в своей суровой и упрямой неподвижности казалась холмом из глины. Все утро работники палками и камнями пытались прогнать ее из сада, но корова не двигалась с места, суровая, неприступная, с копытами, увязнувшими в грязи, и с огромной, униженной дождем головой. Работники не оставляли ее в покое до тех пор, пока терпение отца не истощилось.

- Оставьте ее, - сказал он им. - Сама пришла, сама и уйдет.

После полудня от сырости стало трудно дышать и начало щемить сердце. Свежесть раннего утра быстро превращалась во влажную вязкую духоту. Температура была ни высокая, ни низкая - температура озноба. Ноги в туфлях потели. Трудно было решить, что неприятнее - когда кожа открыта или когда она соприкасается с одеждой. Все в доме затихло. Мы сидели в галерее, но уже не смотрели на дождь, как в первый день, не слышали шума падающей воды, не видели ничего, кроме очертаний деревьев в тумане, в этот безнадежный тоскливый вечер, оставлявший на губах такой же привкус, с которым просыпаешься после того, как увидишь во сне незнакомого тебе человека. Я вспомнила, что сегодня вторник, и подумала о близнецах из приюта святого Иеронима - слепых девочках, которые каждую неделю приходили к нам петь простые песни, жалостные от горького и беззащитного чуда их голосов. Сквозь шум дождя мне слышалась песенка слепых близнецов, и я представила себе, как они сидят на корточках в своем приюте и дожидаются, когда дождь кончится и они смогут пойти петь. "Сегодня близнецы не придут, - думала я, - и в галерее после сестры не появится нищенка, выпрашивающая каждый вторник веточку мяты".

В этот день порядок трапез нарушился. В час сестры мачеха дала всем по тарелке простого супа с куском заплесневелого хлеба, а до этого мы не ели с вечера понедельника - и с того же самого времени мы, наверно, перестали думать. Парализованные, одурманенные дождем, мы покорно и смиренно подчинились буйству стихии. Только корова вдруг зашевелилась

вечером: внезапно ее нутро сотряс глухой рев, и ноги увязли в грязи еще глубже. Потом она застыла на полчаса - словно была уже мертвая, но не падала, потому что привыкла быть живой, привыкла стоять под дождем в одном положении, и стояла до тех пор, пока тяжесть ее тела не перевесила эту привычку. И тут ее передние ноги подогнулись; зад, блестящий и темный, был все еще поднят в последнем предсмертном усилии, морда, с которой текла слюна, погрузилась в темную жижу, и в медленной, безмолвной, исполненной достоинства церемонии смерти королева поддалась наконец тяжести собственного тела.

- Вот до чего дошло! - произнес кто-то у меня за спиной.

Я повернулась посмотреть, кто это, и увидела на пороге нищенку, приходившую но вторникам: несмотря на непогоду, она пришла, как обычно, попросить веточку лимонной мяты.

Может быть, в среду я бы уже свылась с этой дарящей жутью, если бы не увидела, войдя в гостиную, что стол подвинут к стене и на него нагромождена вся мебель, а у противоположной стены, на сооруженном в ночь помосте, стоят баулы и ящики с домашней утварью. Зрелище это вызвало во мне пугающее ощущение пустоты. За ночь что-то произошло. В доме царил беспорядок: работники, голые по пояс и босые, с закатанными до колен штанами, перетаскивали мебель. В выражении их лиц, в усердии, с которым они работали, угадывалась ненависть подавленного бунтарства, вынужденного и унижительного подчинения дождю. Я двигалась без смысла, без цели. Мне казалось, что я болотистый, безысходно печальный луг, заросший мхами, лишайниками и мягкими, осклизлыми грибами, всей этой отвратительной флорой сырости и мрака. Я стояла в гостиной, созерцая раздирающую душу картину нагроможденной на стол мебели, когда услышала голос мачехи: она предупреждала, что я могу получить воспаление легких. Только тогда я заметила, что вода доходит мне до щиколоток, что она разлилась по всему дому и пол покрыт толстым слоем вязкой и мертвой воды.

В полдень еще только рассветало, а к трем часам пополудни снова наступила ночь, болезненная и ранняя, все с тем же медленным, монотонным и безжалостным ритмом дождя в патио. Из молчания работников, которые сидели, подобрав ноги, на стульях вдоль стен, покорные и бессильные перед лицом разбушевавшейся стихии, выросли преждевременные сумерки, тихие и скорбные. Именно тогда начали приходить новости с улицы. Никто не приносил их в дом - они приходили сами, точные, непохожие одна на другую, словно несомые жидкой грязью, которая волокла по улицам предметы домашнего обихода, всевозможные

вещи, следы какой-то далекой катастрофы, мусор и трупы животных. Прошло два дня, прежде чем в доме стали известны события воскресенья, когда дождь казался еще предвестником поры, посланной самим провидением, - и в среду новости об этих событиях словно втолкнула к нам сама непогода. Стало известно, что вода проникла внутрь церкви и та может скоро рухнуть. Кто-то, кому и знать это было незачем, вечером сказал:

- Поезд с понедельника не может пройти по мосту - похоже, что река смыла рельсы.

И ещё стало известно, что с постели исчезла больная женщина, а теперь ее тело обнаружили плавающим в патио.

Охваченная ужасом, загипнотизированная ливнем, я села, поджав под себя ноги, в кресло-качалку и устремила взгляд во влажный, полный смутных предчувствий мрак. В дверном проеме с лампой в вытянутой вверх руке и с высоко поднятой головой появилась мачеха. Она казалась каким-то давно знакомым призраком, не вызывающим страха, потому что я разделяю с ним его сверхестественность. Все так же, с высоко поднятой головой и лампой в вытянутой вверх руке, она, шлепая по воде в галерее, подошла ко мне.

- Надо молиться, - сказала она.

И я увидела ее лицо, сухое и потрескавшееся, словно она вышла только что из могилы или создана из материи иной, нежели человеческая. Она стояла передо мной с четками в руке и говорила:

- Надо молиться: вода размывала могилы, и несчастные покойники плавают по кладбищу.

По-видимому, я проспала этой ночью совсем немного, а потом проснулась, испуганная резким и острым запахом - таким, какой исходит от разлагающихся трупов. Я стала изо всей силы трясти Мартина, храпевшего возле меня.

- Не чувствуешь? - сказала я.

И он спросил:

- Что?

- Запах, - сказала я. - Наверно, это трупы плавают по улицам.

Мысль об этом повергла меня в ужас, но Мартин отвернулся к стене и пробормотал хриплым и сонным голосом:

- Да брось ты свои выдумки! Беременным женщинам всегда что-нибудь мерещится.

На рассвете в четверг запахи пропали и исчезло различие между далеким и близким. Представление о времени, уже нарушенное накануне,

утратилось окончательно. Четверга не было, вместо него было нечто физически осязаемое и студенистое, что нужно было раздвинуть руками для того, чтобы пролезть в пятницу. Мужчины и женщины стали неразличимы. Отец, мачеха, работники были теперь фантастическими раздувшимися телами,двигающимися в трясине дождя. Отец сказал мне:

- Не уходи отсюда, пока я не вернусь и не расскажу тебе, что происходит.

Голос его был далекий и неверный, и, казалось, что воспринимаешь его не слухом, а осязанием - единственным чувством, которое еще оставалось.

Но отец не вернулся: он заблудился во времени. И когда пришла ночь, я позвала мачеху и попросила ее проводить меня в спальню. Ночь я проспала крепким и спокойным сном. На другой день все оставалось прежним - лишенным цвета, запаха, ни холодным, ни теплым. Проснувшись, я перелезла с постели на стул и замерла: что-то говорило мне, что какая-то часть моего сознания еще не проснулась. Вдруг я услышала гудок, долгий и печальный гудок поезда, спасающегося бегством от непогоды. "Наверно, где-нибудь дождь кончился", подумала я, и, словно отвечая на мою мысль, голос у меня за спиной произнес:

- Где-то...

- Кто здесь? - спросила я, обернувшись, и увидела мачеху - ее длинная костлявая рука показывала на что-то за стеной.

- Это я, - сказала она.

И я спросила ее:

- Ты слышала?

И она ответила, что да и что, должно быть, в окрестностях дождь кончился и линию отремонтировали. А потом она дала мне поднос с дымящимся завтраком, от которого пахло чесночным соусом и горящим маслом. Это была тарелка супа. Растерянная, я спросила у мачехи, который час, и она спокойным, полным усталости и безразличия голосом отозвалась:

- Наверно, около половины третьего. Несмотря на все, поезд идет без опоздания.

Я удивилась:

- Половина третьего? Как же я могла столько проспать?

И она ответила:

- Ты спала совсем немного. Сейчас не больше трех часов дня.

И я, дрожа, чувствуя, как тарелка выскользывает у меня из рук, спросила:

- Не больше трех?.. Ведь сегодня пятница?

И она с леденящим душу спокойствием произнесла:

- Четверг, дочка. Пока еще всего лишь четверг.

Не знаю, сколько времени пробыла я в этом сомнамбулическом состоянии, в котором чувства как бы перестали существовать. Знаю только, что после бессчетного множества часов и услышала голос в соседней комнате:

- Теперь можешь перекатить кровать на эту сторону.

Голос был усталый, но это был голос не больного, а выздоравливающего. Когда он замолк, я услышала царапающий звук: по кирпичам в воде что-то двигали. Я застыла в напряжении, и только позже до меня дошло, что я лежу. Я почувствовала безграничную пустоту, почувствовала трепещущее и яростное молчание дома, немыслимую неподвижность всех вещей, и почувствовала вдруг, что сердце у меня превратилось в холодный камень. "Умерла, - подумала я, - боже, я умерла!" Подскочив на постели, я закричала:

- Ада! Ада!

Бесцветный голос Мартина рядом со мной сказал:

- Тебя никто не услышит - в доме никого нет, все уже вышли.

Только после этого я поняла, что дождь наконец кончился и воцарилось безмолвие, глубокая и таинственная тишина, блаженное состояние совершенства, наверно, очень похожее на смерть. А потом послышались шаги в галерее, послышался голос, ясный и полный жизни. Свежий ветерок подергал дверь, скрипнул в замке, и что-то твердое и быстрое - может быть, зрелый плод - упало на дно бассейна в нашем патио. В воздухе угадывалось присутствие невидимого существа, улыбающегося в темноте.

"Боже мой, - подумала я, совсем растерянная от перепутавшихся часов и дней, - сейчас бы я не удивилась, если бы меня вдруг позвали на мессу прошлого воскресенья".

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)